Вот уже год минул, как Александра схоронила мужа. Хоть и пьяница был горький, но все мужик в доме. Когда не пил, и деньжата в доме водились, и в хозяйстве полный порядок был. А когда закружила жизнь-судьбинушка, как заметелило, так и пошло все кувырком. Ладно, хоть бы один страдал, а то ведь и дети впроголодь живут, а их у Александры четверо — накормить надо всех и одеть. Натерпелась она горюшка с таким мужем, что до конца жизни хватит. Как он жил не по-людски, так и помер.

Вышла Александра среди ночи из боковушки, а мужик-то уже весь посинел. Голова в край стола уткнулась, а на нем гора окурков и бутылка недопитая стоит. Ахнула Александра, перекрестилась, но особого сочувствия не испытала к мужу. Восприняла его смерть больше умом, чем сердцем. Ведь у пьяньчуг одна дорога на тот свет. Сколько не пьют ее распроклятую, а конец у всех плачевный — на тот свет. Нет, не испытала Александра в трагический момент особого страдания, а когда хоронили, заныло у ней сердечко. И слеза по щеке покатилась. Как-то уже само по себе все хорошее в памяти всплыло. И свадьба их вспомнилась, и цветы, что муж ей до женитьбы дарил. Все вспомнилось Александре. Ведь поначалу хорошо они жили. Как говорится, душа в душу. А потом, как закружила жизнь-судьбинушка, что и не до цветов стало.

Работала она в травматологическом отделении городской больницы. Каши там вдоволь варят. А больше к ним в основном в тяжелом состоянии попадают, кто под машину попал, кто еще что… лежат, стонут. До еды ли им… Вот и остается ее в котлах, этой самой каши, больше половины. Не выбрасывать же добро. Есть в больничном хозяйстве свинарник, куда со всех отделений городской больницы пищевые отходы свозят. Но не исхудают же свиньи, если Александра пару трехлитровых банок каши своим детям увезет. Так и перебивается она с ребятишками на этой самой больничной каше.

Однажды в их отделение приняли новую санитарку. Клавдия, как представилась она, работала до перевода в патологоанатомическом корпусе.

«А что?! — рассказывала Клавдия. — Подзарабатывать там можно. Помыл труп — пятерка. Одел — десятка. Жила я и нужды в деньгах не знала. Деньги-то деньгами, но я до того там извелась, что пришлось уволиться». Да оно и понятно, что извелась. Каждый день видеть горе и слезы, каждый день слышать истошные крики родных умершего нелегко конечно, но человек ко всему привыкает.

Александре раньше даже и в голову не приходило устроиться туда на работу, но после этого разговора решила: «Имею же я право на лучшую жизнь!». После недолгих раздумий она пришла в администрацию морга и сказала им о своем желании. Александру с удовольствием взяли, тем более что больница-то одна, и ее просто перевели из одного отделения в другое.

Так и устроилась Александра на новую работу. Устроиться-то она устроилась, а вот работа такая, что и во сне присниться не могла. Каждая смена для Александры была диким ужасом. Но это изначально, а потом ничего — пообвыклась, да и с деньгами у неё проблем меньше стало. Она мыла и одевала трупы, а родные умершего расплачивались с ней. А попробуй не возьми деньги за эту работу, родственники покойного могли и обидеться. Такая традиция на Руси испокон существовала.

Привозили в морг и маленьких детей. Если же попадались на них хорошие вещи и родные отказывались их забирать, то Александра тщательно отстирывала их от крови и грязи и везла домой, одевая свою ребятню. А детям какая разница, лишь бы тепло и удобно было. Вроде бы наладилась жизнь у Александры, и на стол было что поставить, и на люди было в чем выйти. А вот на душе неспокойно как-то стало. А однажды ей сон приснился, а во сне те детишки, у которых она одежонку забрала. Тянут они из могил свои ручонки и жалобно так взывают: «Тетенька! Зачем ты у нас штанишки сняла? Холодно нам здесь!»

Александра проснулась, да так и не смогла уснуть до утра. Долго ворочалась с боку на бок, потом тяжело поднялась и вышла в комнату, где дети спали. Смотрела она на их сонные беззаботные лица и думала: «Это ради вас, родные вы мои, ради вашего счастья взяла на душу такой грех». Хоть и не верила она никогда в Бога, но в этот трагический момент что-то произошло в ее сознании. И она скорее сердцем почувствовала, чем поняла умом, что только Бог, что только Он один может и понять и простить ее. Упала она на колени перед иконкой, что стояла в углу на полочке, и зашептала молитву, услышанную когда-то от своей бабушки. Шепчет Александра молитву, а по щекам ее слезы катятся. И нет на всем белом свете солоней и горше этих материнских слез. Шепчет Александра молитву, и на душе у неё становится светлей.

А за окном уже чирикают воробьи, оповещая мир о рождении нового дня, несущего кому-то радость, а кому-то огорчение…